

Peter Arkadiev

(Rosyjska Akademia Nauk)

Возможны ли однопадежные системы?

S u m m a r y

The article argues against the traditional structuralist conception of grammatical categories as minimally binary oppositions and proposes to treat a variety of unrelated languages as possessing just one case. Two types of "monocasual systems" are distinguished: (1) the ones where the only morphologically overt case is opposed to a default form which is regarded as lacking case (Persian); and (2) the ones where the single morphologically overt case is in complementary distribution with the "head marking" of grammatical relations in the verb (Yimas). This logic is also extended to richer case systems, some of which I propose to analyze as containing a "caseless" form opposed to an array of overt genuine cases (Ket, Diegueño).

Key words: grammatical categories, grammatical case

S t r e s z c z e n i e

Autor danego artykułu przytacza argumenty przeciw tradycyjnemu, strukturalnemu twierdzeniu o nieodzownej binarności kategorii gramatycznych i proponuje potraktować grupę różnych języków jak gdyby dysponowały one tylko jednym przypadkiem. Powszechnie wyróżnia się dwa typy „systemów jednoprzypadkowych”: (1) systemy, w których jednemu wyrażonemu morfologicznie przypadkowi jest przeciwstawiona „domyślna” i formalnie nienacechowana forma rzeczownika, traktowana zazwyczaj jako bezprzypadkowa (j. perski) oraz (2) systemy, w których jedyny morfologiczny wskaźnik przypadku jest zespolony z „najwyższym nacechowaniem” relacji syntaktycznych w czasowniku (j. yimas). Autor proponuje podobne podejście zastosować także do systemów posługujących się więcej niż jednym przypadkiem. Wśród podobnych systemów można wyróżnić takie, w których rzędowi przypadków wyrażonych morfologicznie można przeciwstawić formę „bezprzypadkową” (j. ketski, diegueno).

Słowa kluczowe: kategorie gramatyczne, przypadek gramatyczny

Введение

Вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, многим лингвистам покажется провокативным, а ответ на него – очевидно отрицательным¹. Действительно, структуралистская парадигма, многие постулаты и методологические установки которой до сих пор сохраняют свою актуальность, основным элементом языковой системы считает оппозицию, единственно в рамках которой языковые единицы приобретают свое значение (ср.: Соссюр 1977/1916: Гл. IV; Якобсон 1985/1959: 236), а оппозиция логически предполагает как минимум два противопоставленных друг другу члена. Грамматическая категория же в ее классическом понимании (ср.: Зализняк 2002/1967: 26–27; Matthews 1991/1974: 38–40; Мельчук 1997: 247–250; Carstairs-McCarthy 2000; Плунгян 2011: 26, 32–33) является лишь частным случаем оппозиции и потому – по определению – содержит как минимум два элемента (граммемы), ср. (Мельчук 1997: 248): «категория никогда не содержит **меньше двух элементов** – поскольку значения одной категории должны, по определению, исключать друг друга, а для этого требуется по крайней мере два противопоставленных значения». Падеж как частный случай грамматической категории, разумеется, не является здесь исключением, ср.: Hjelmslev 1972/1935: 113²; Зализняк 2002/1973: 616³; Мельчук 1998: 324–327; Blake 2000/1994: 155; Iggesen 2005: 212⁴; Bickel & Nichols 2007: 210⁵;

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 14-04-00580. Я благодарю Г.М. Зельдовича за настойчивое приглашение участвовать в сборнике, послужившее стимулом к написанию этой работы, М.А. Даниэля, Бернарда Комри, Гревилля Корбета, В.А. Плунгяна и Мартина Хаспельмата за заинтересованное обсуждение первоначального варианта статьи, а также Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия), во время пребывания в котором в октябре 2014 г. эта статья была написана, а также лично Бернарда Комри за любезное гостеприимство. Все ошибки и неверные интерпретации остаются на совести автора.

² “Le système le plus simple que l’on puisse concevoir est le système à deux termes”.

³ «Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще».

⁴ “The minimal case paradigm contains two members, since paradigmatic relationships between word-forms are ultimately based on binary oppositions”.

⁵ “Case inventories range from two cases to dozens”.

Malchukov & Spencer 2009: 651; Arkadiev 2009; Corbett 2012: 150–151). Несмотря на все это, я постараюсь показать, что в рамках выработанных в современной лингвистике «постструктуралистских» подходов к грамматике (о критике традиционного понимания грамматического см., в частности, Перцов 2001: Гл. 2; Boye & Harder 2012) постановка вопроса об однопадежных системах не лишена смысла, а ответ на этот вопрос может быть положительным.

Статья строится следующим образом. В § 1 я остановлюсь на некоторых концептуальных вопросах, связанных с используемыми здесь понятиями. Поскольку гипотетические однопадежные системы следует искать среди минимальных падежных систем, т.е. в традиционном понимании являющихся двухпадежными, эмпирическая часть работы в основном будет связана именно с двухпадежными системами, типология которых разрабатывалась автором в предшествующих публикациях (см.: Аркадьев 2005, 2006a,b, 2008; Arkadiev 2006, 2008, 2009). В § 2 будет рассмотрено несколько «классических» примеров двухпадежных систем, а в центральном для статьи § 3 я обращусь к системам, которые, как я полагаю, допускают «однопадежную» трактовку. В § 4 я обсужу некоторые типологические импликации идеи «однопадежности».

1. Грамматические категории vs. морфосинтаксические признаки

Несмотря на укоренившуюся структуралистскую интуицию относительно минимально бинарной структуры грамматических категорий, в лингвистике последних нескольких десятилетий происходит постепенный отказ от этой концепции в ее наиболее ригористической форме, наблюдающийся как в реальной практике лингвистических описаний, так и в теоретических построениях.

Так, У. Фоли, описывая язык йимас (семья сепик-раму, Папуа-Новая Гвинея), который будет предметом подробного рассмотрения в § 3, говорит о «суффиксе косвенного падежа» (“*oblique suffix*”, Foley 1991: 165–169), однако нигде не упоминает «номинатива» или «прямого падежа», равно как и не постулирует в этом языке грамматической категории «падеж», находя для целей описания достаточным упомянуть, что это

«единственный падежный показатель в йимасе»⁶ (ibidem: 165) и подробно описать его дистрибуцию. При этом стоит отметить, что У. Фоли – известный типолог и автор теоретических работ, – вне всякого сомнения, знает о «классическом» понимании категории падежа и при необходимости мог бы подробно мотивировать свой способ описания.

Во многих теоретических работах по грамматике, в первую очередь по морфологии, вводятся понятия, аналогичные традиционным грамматическим категориям, с единственным отличием (не всегда формулируемым именно в таких терминах): они не предполагают обязательного наличия оппозиции нескольких значений (граммем) внутри самой категории, т.е., фактически, допускают одноэлементные категории. Таково, например, понятие квазиграммемы у И.А. Мельчука (1997: 286–288), неформально определяемое как «значение, выражаемое регулярно, но не обязательное» (ibidem: 286), т.е. в системе языка противопоставленное не какому-либо другому значению, а лишь своему отсутствию. К квазиграммам И.А. Мельчук относит, в частности, английский притяжательный суффикс 's (ibidem: 287), который, по его словам, «не противопоставляется другим суффиксам и не имеет статуса показателя падежа». В этой логике, в принципе, косвенный падеж в йимасе также можно было бы считать квазиграммемой. О квазиграммах также см. (Перцов 2001: 84–90; Плунгян 2011: 66–70).

В западной, в первую очередь англоязычной литературе по морфологии и синтаксису (особенно принадлежащей к «формальному» направлению) вместо терминов «грамматическая категория» и «граммема» обычно используются термины «морфосинтаксический признак» (*morphosyntactic feature*) и «морфосинтаксическое значение» (*morphosyntactic value*), по-видимому, впервые введенные в первом издании книги (Matthews 1991/1974), см. также (Carstairs-McCarthy 2000; Stump 2001: 38–43) и в особенности работы Г. Корбета (Corbett 2008, 2009, 2010, 2011, 2012; Corbett & Kibort (eds.) 2010). В данной статье я опираюсь на указанные работы, однако не следую никакой из них в полной мере.

Базовым понятием в данной паре, с моей точки зрения, является «морфосинтаксическое значение», которое можно определить как

⁶ “This is the single nominal case marker in Yimas”.

абстрактную единицу грамматической системы, устанавливающую (потенциально много-многозначное) соответствие между некоторым набором релевантных для данного языка синтаксических или семантических функций⁷ и определенным множеством формальных средств выражения этих функций (ср.: Beard 1995: 255–258). Иными словами, морфосинтаксическое значение принадлежит интерфейсу, соотносящему план содержания и план выражения (ср.: Corbett 2012: 48). В первом приближении примером морфосинтаксического значения может служить любая традиционная граммема, например, «винительный падеж» в русском языке, являющийся не чем иным, как соответствием между определенным набором синтаксических контекстов и конкретным множеством морфологических форм (ср. формальное определение падежа в классической работе Зализняк 2002/1973). Морфосинтаксическими значениями также являются «квазиграммемы», например, английская «притяжательность», устанавливающая соответствие между синтаксической конфигурацией и набором морфологических форм, к которому относятся не только суффикс или энклитика *'s* и ее алломорфы, но и притяжательные местоимения типа *my* ‘мой’ или *his* ‘его’.

Морфосинтаксические значения в рамках конкретно-языковой системы могут объединяться в множества взаимоисключающих значений, которые и являются морфосинтаксическими признаками – аналогами традиционных грамматических категорий. Подобно тому, как и сами морфосинтаксические значения являются элементами систем конкретных языков (а не универсально значимыми единицами), морфосинтаксические признаки тем более носят исключительно конкретно-языковой характер (вопреки в значительной степени умозрительной концепции универсальных грамем и грамматических категорий, предложенной в книге Мельчук 1998). Тем самым, в принципе, морфосинтаксические значения, которые тот или иной язык объединяет в единую категорию, не обязаны быть взаимоисключающими по своей природе (об этом важном, но не всегда осознаваемом факте см., в частности,

⁷ Противопоставление синтаксиса и семантики в данном случае, особенно применительно к падежу, не только весьма размыто, но и, вообще говоря, малорелевантно; в этом смысле я отказываюсь от дихотомии «морфосинтаксических» и «морфосемантических» признаков и значений, на которой настаивает Г. Корбет (Corbett 2012: 49–50).

Плунгян 2011: 33–35, там же ряд примеров). Так, например, в языке валман (семья торричелли, Папуа-Новая Гвинея, см.: Brown & Druyer 2008; Corbett 2012: 147–149) в единый морфосинтаксический признак, проявляющийся в согласовании, объединяются такие значения, как «мужской род», «женский род», «множественное число» и «уменьшительность». Тем не менее, по-видимому, нормой для языков мира является все-таки объединение в категории значений, обладающих определенной «семантической однородностью» (ср.: Зализняк 2002/1967: 23).

Несмотря на то, что и в новейших работах по данной проблематике предлагается рассматривать морфосинтаксические признаки как минимально бинарные (см., например, Corbett 2012: 150–151), чисто логически ничто не запрещает постулировать унарные признаки с единственным значением (см.: *ibidem*: 16–17). Такой признак, противопоставленный лишь своему отсутствию, разумеется, логически эквивалентен «одиначному» морфосинтаксическому значению, равно как и – казалось бы – бинарному признаку, вторым значением которого будет «отсутствие положительного значения». Собственно, одной из задач данной статьи является попытка показать, что применительно к падежу противопоставление между унарными и бинарными признаками может быть содержательным и не сводится непременно к конвенциям нотации (как утверждает в Corbett 2012: 17).

Сказанное выше может вызвать законный вопрос о том, не являются ли понятия «морфосинтаксическое значение» и «морфосинтаксический признак» лишь терминологическими синонимами понятий «(квази)граммема» и «грамматическая категория», соответственно. Ответ на этот вопрос я полагаю отрицательным: термины «морфосинтаксическое значение» и «морфосинтаксический признак» описывают более узкий класс сущностей, чем традиционные понятия. Это становится ясно, если обратиться к вопросу о предлагаемых в литературе принципах выделения в языке конкретных морфосинтаксических значений и морфосинтаксических признаков (об этом см., в частности, Corbett 2012: Ch. 4; Chumakina et al. 2007, а применительно к падежу – Зализняк 2002/1973; Beard 1995: 259–261; Corbett 2008; Spencer 2008, 2009; Spencer & Otaguro 2005).

Если для выделения в языке граммемы или квазиграммемы авторы, пользующиеся этими или аналогичными терминами, полагают достаточным существование определенного грамматикализованного (необя-

зательно морфологического) показателя, выражающего определенную грамматическую семантику (на вовсе не самоочевидном противопоставлении грамматической и лексической семантики я здесь не останавливаюсь; см.: Плунгян 2011: Гл. 1; Boye & Harder 2012), а грамматической категорией считают любое закрытое множество таких показателей, противопоставленных друг другу, то для постулирования морфосинтаксического значения необходимо, чтобы описание грамматики языка нуждалось в абстрактной единице, устанавливающей соответствие между формами и функциями. Если те или иные грамматические элементы языка могут быть исчерпывающим и простым образом описаны в терминах набора их функций, с одной стороны, и набора выражающих их показателей⁸, с другой, постулирование абстрактных морфосинтаксических значений и признаков может быть избыточным. Так, в работах (Spencer 2008) и (Spencer & Otoguro 2005) аргументируется отсутствие, соответственно, в венгерском и японском языках морфосинтаксического признака «падеж» на том основании, что, во-первых, этот признак не требуется морфологии этих языков, поскольку каждый «падеж» в этих языках имеет единственный (с точностью до фонологически мотивированной алломорфии) легко идентифицируемый показатель, и, во-вторых, синтаксические правила управления этих языков могут быть сформулированы в терминах тех же самых показателей. Тем самым, даже если при некотором понимании падежа явления венгерского и японского языков могут быть описаны этим термином (а автор настоящей статьи в других своих работах в принципе придерживается довольно широкого и вполне традиционного понимания, при котором и венгерский, и японский языки падежом обладают, см. критику «рестриктивного» подхода Э. Спенсера в Arkadiev 2010: 417–418), следует различать падеж «в широком смысле» как традиционную грамматическую категорию и «морфосинтаксический падеж» как явление более ограниченное.

Морфосинтаксические значения следует постулировать лишь в тех случаях, когда они необходимы для корректной формулировки обобщений либо на уровне морфологии (например, для описания выбора

⁸ Ср.: Comrie (1986: 89): “in Turkish ... the traditional cases (nominative, accusative, genitive, dative, locative, ablative) can just as readily be identified by their suffixes, respectively, *-Ø, -i, -in, -a, -da, -dan*”. Ср. также Blake (2000/1994: 28–29).

фонологически не связанных между собою показателей или случаев кумулятивного выражения граммем), либо на уровне синтаксиса (например, согласования или нетривиального управления), либо на обоих этих уровнях. Пример типичного «морфосинтаксического падежа» представляет русский язык, ни морфология, ни синтаксис которого не могут быть сколько-нибудь разумным образом описаны без апелляции к данному абстрактному признаку.

Дополнительные проблемы, напрямую связанные с вопросом об унарных морфосинтаксических признаках, возникают в случае отсутствия у гипотетического морфосинтаксического значения какого-либо морфологического выражения: является ли такое нулевое выражение реализацией определенного морфосинтаксического значения или указывает лишь на неохарактеризованность словоформы по данному признаку? Вопрос этот далеко не праздный, поскольку ответ на него может быть различным применительно к разным явлениям одного и того же языка. Так, в английском языке в парах *dog* ‘собака’ vs. *dogs* ‘собаки’, *book* ‘книга’ vs. *books* ‘книги’, *goose* ‘гусь’ vs. *geese* ‘гуси’ и т.д. словоформы *dog*, *book*, *goose* и т.д. следует рассматривать как положительно охарактеризованные значением «единственное» признака «число» (в формальной записи NUM: SG), поскольку этот признак необходим для корректной формулировки правил согласования (ср. *a dog barks* ‘собака лает’ vs. *dogs bark* ‘собаки лают’). Напротив, в английском не представляется разумным приписывать тем же самым словоформам *dog*, *book*, *goose* гипотетическое морфосинтаксическое значение «непритяжательность», противопоставленное значению «притяжательность», имеющемуся у словоформ *dog's* или *book's*, поскольку такое гипотетическое «значение» не соотносится ни с каким разумным набором функций или контекстов, характеризуемым иначе как «по остаточному принципу» (ср. цитату из И.А. Мельчука выше).

Тем не менее, применительно к падежу исследователи практически никогда не сомневались в допустимости выделения «остаточных» граммем. В этой связи уместно привести развернутую цитату из работы (Iggesen 2005: 212):

The minimal case paradigm contains **two members**, since **paradigmatic relationships** between word-forms are ultimately based on **binary**

oppositions (minimal pairs). This implies that whenever a language has an overtly marked case category expressing a specific function, a corresponding zero-marked base form is counted as a case (“default case”, or “direct case”) *even if it has no specific function describable in positive terms*. In such instances, *the base form receives its case status only through the existence of a functionally and formally marked case category*. [Выделение жирным принадлежит автору, курсивом – мне.]

Данная логика, безупречная в рамках классического структурализма, представляется тем не менее уязвимой. Если в гипотетической оппозиции лишь один из элементов допускает какую-либо разумную позитивную характеристику, а второй член оппозиции выделяется лишь «для контраста», то такая оппозиция, как кажется, мотивирована не столько структурой самого языка, сколько ригидными требованиями концепции исследователя. Ср. в этой связи замечания В.А. Плуногяна (Плуногян 1994; Плуногян 2011: 25) о том, что грамматическая оппозиция может быть лишь эквиополентной, но не привативной, т.е. функции каждого члена оппозиции должно быть возможно положительно охарактеризовать.

Здесь мы подходим к выводу, непосредственно касающемуся проблемы, поднятой в данной статье: однопадежной можно признать систему, содержащую лишь одну граммему (или, в более узком смысле, морфосинтаксическое значение), у которой есть как ненулевое формальное выражение, так и положительно характеризуемый набор семантико-синтаксических функций. Такая граммема была бы противопоставлена не другой граммеме с нулевым выражением, функции которой можно было бы описать лишь отрицательно, а отсутствию морфосинтаксического признака «падеж» вообще. В следующих разделах статьи я постараюсь продемонстрировать такого рода падежные системы, а перед этим остановлюсь на том, как я понимаю сам термин «падеж».

Вслед за работами (Dench & Evans 1988: 2–6; Blake 2000/1994: 1; Тестелец 2001: 375–376) падеж определяется здесь как морфосинтаксическое значение (в описанном выше более строгом смысле), присущее именной составляющей (в терминах генеративной грамматики NP или DP), формально реализующееся по крайней мере на одной из входящих в нее словоформ и указывающее на характер синтаксической зависимости этой составляющей от предиката или иного синтаксиче-

ского хозяина. Трактовка падежа как признака в первую очередь составляющих, а не только отдельных словоформ, мотивируется как чисто синтаксическими соображениями («мишенью» управления, которое чаще всего реализуется с помощью падежа, выступают именно составляющие), так и тем, что во многих языках областью формального выражения падежа также являются именные группы. Это верно как для языков типа русского, где падеж выражается не только на существительном, но и на целом ряде зависимых от него элементов (прилагательных, местоимениях, кванторах), так и для языков, где падеж выражается в составе именной группы единственный раз, однако «локус» его выражения определяется относительно всей группы в целом (например, при последней словоформе или после первой словоформы), а не какой-либо конкретной словоформы в ее составе (подробнее см.: Dench & Evans 1988: 3–6; Anderson et al. 2006).

Данное здесь определение падежа является вполне традиционным и, в частности, исключает из рассмотрения такие явления, как синтаксически мотивированные противопоставления глагольных местоименных показателей (о них см., в первую очередь, Kibrik 2011, а также Haspelmath 2013), которые предлагается трактовать как аналоги падежных в ряде работ (ср., например, Kibrik 2012). Кроме того, отчасти вслед за определением из (Мельчук 1998: 324–327), я требую, чтобы падеж мог маркировать именные группы уровня предложения (или, если угодно, глагольной группы), т.е. зависимые глагола; противопоставления, релевантные лишь для внутренней структуры самих именных составляющих, вроде английского посессивного *'s*, я падежом не считаю и также исключаю из рассмотрения.

2. «Канонические» двухпадежные системы

Согласно данным в предыдущем разделе определениям, двухпадежной системой в строгом смысле можно считать морфосинтаксический признак «падеж» с двумя значениями (которые можно назвать, например, «прямым» DIR и «косвенным» OBL), каждое из которых необходимо для корректного описания морфологических и/или синтаксических закономерностей данного языка. Хороший пример такой системы может